

A professional photograph of a man with short dark hair and a light beard, wearing a dark blue suit, a light blue shirt, and a patterned tie. He is sitting at a wooden desk with his hands clasped in front of him. The background is a plain, light-colored wall.

**Можно ли
построить
единый
европейский
дом?**

Нельзя допустить, чтобы ЕАЭС превратился в гипергосударственную структуру типа Евросоюза. Такой вывод французский эксперт-международник, генеральный директор консалтинговой компании «ЛинкИт Восток», автор книги «Новая великая Россия», основатель аналитического интернет-портала Stratpol.com Ксавье Моро делает в интервью со специальным обозревателем журнала «Экономические стратегии» Ильей Бестужевым. В ходе беседы обсуждались вопросы финансовой интеграции в рамках ЕАЭС, сохранения национальной идентичности и многие другие.

В последнее время много копий сломано по поводу Евразийского экономического союза и Русского мира. Считаете ли Вы, что Евразийский союз и Русский мир дополняют друг друга?

Думаю, да. Важно, что Россия сейчас создает Таможенный союз. Это не тоталитарная система, подобная Евросоюзу. У бывших республик СССР общее прошлое, между ними сохранились социокультурные связи, которые надо поддерживать и развивать, дополнять цивилизованными экономическими отношениями. В то же время нельзя допустить, чтобы ЕАЭС превратился в гипергосударственную структуру типа Евросоюза.

Сейчас западный мир переходит к пятому технологическому укладу. Бывшие республики Советского Союза отстали от развитых стран, поскольку были заняты собственным выживанием, но сейчас этот период завершился. Сможет ли, на Ваш взгляд, Евразийский союз совершить небольшую революцию — перескочить к шестому технологическому укладу, минуя пятый, то есть обогнать западный мир?

Полагаю, нечто подобное вполне возможно. Члены Евразийского союза — это очень прагматичные государства, не руководствующиеся идеологическими схемами и располагающие ресурсами, достаточными для того, чтобы развить экономику и, как Вы сказали, даже обогнать западный мир.

Я знаю, что Вы долгое время работали в Казахстане. Там активно пропагандируется идеология евразийства. Как Вы думаете, можно ли считать идеи евразийства идеологией в строгом смысле слова или это всего лишь некий заменитель идеологии для публичных выступлений?

Скорее второе. Евразия понятие географическое. Я не верю в то, что существует какой-то особый евразийский мир и еврази-

совой системы. Каковы, на Ваш взгляд, перспективы финансовой интеграции в рамках Евразийского союза, появились ли единый центр такой интеграции и как будут идти денежные потоки?

Представляется, что следующий шаг — это создание общей валюты. Я не имею в виду введение единой валюты, как в Евросоюзе, — это было бы большой ошибкой, но общую валю-

Русский для меня — европеец, а русская культура — одна из наиболее выдающихся составляющих частей европейской культуры.

ец. Русский для меня — европеец, а русская культура — одна из наиболее выдающихся составляющих частей европейской культуры.

Казахстан в России традиционно воспринимается как близкородственная страна. А как относятся к России в Казахстане? В целом положительно. Казахи раньше других народов вошли в состав Российской империи, но они более азиаты, чем русские.

Такие страны, как Казахстан, сейчас заняли то историческое место между Востоком и Западом, которое прежде занимала Россия.

Да, верно.

Сегодня происходит реформирование мировой финан-

ту, которую смогут использовать все евразийские страны, чтобы избавиться от долларовой зависимости. Чем опасна такая зависимость, мы все видели в 2008 году. Мне кажется, скоро будет еще один очень сильный кризис, спровоцированный США с их бесконтрольной экономикой.

Именно создать? На Ваш взгляд, ни одна из существующих национальных валют на такую роль не подходит?

Я думаю, что лучший вариант — это мультивалютная корзина и не только для Евразийского союза, а для всего мира. Пока же все мы заложники доллара.

События на Украине обусловили раскол общества. Не является ли это препятствием на пути

создания Евразийского экономического союза?

Люди на Майдане требовали не создания конкурентоспособной экономики, а безвизового режима, они хотели уехать на работу в Польшу, Германию или другие страны Евросоюза. Но с точки зрения экономической целесообразности, Украине следует сотрудничать с Евразийским союзом. В частности, крупным французским компаниям, работающим на Украине, очень интересен евразийский рынок. Сейчас действуют российские антисанкции плюс украинские товары без ограничений поступают на рынок Евросоюза, и это ослабляет наше сельскохозяйственное производство.

Иначе говоря, здесь интересы политики и бизнеса приходят в противоречие?

Именно. Сегодня Евросоюз — это идеологическая конструкция. Достаточно вспомнить пример Греции, которая два года назад должна была выйти из зоны евро и до сих пор не вышла, потому что бюрократы, стоящие во главе Евросоюза, и американцы, которые создали Евросоюз, понимают, что уход Греции станет первым шагом к развалу Европейского союза. И это не только мое мнение, так же думают многие ведущие европейские политики. Всем ясно, что Евросоюз не работает. А сейчас еврочиновники к тому же занялись проблемой сексуальной ориентации. Это идеология в чистом виде, начало которой положила Великая французская революция. Ранее европейцев освободили от национальной принадлежности, а теперь настала очередь сексуальной ориентации.

Но разве не ясно, что это ведет к депопуляции Европы?

Они предпочитают вымирать, но продолжать эту идеологическую борьбу. Или вот события вокруг *Charlie Hebdo*: это было

столкновение двух типов экстремизма. С одной стороны, атеисты, а с другой — исламисты. Атеисты выступали за миграцию из исламских стран, рассматривая мусульман как орудие в борьбе с французским католицизмом. Но оказалось, что радикальные мусульмане ненавидят атеистов больше, чем католики, которые по крайней мере никого не убивали. И последние решения французского правительства свидетельствуют о том, что эта тенденция сохраняется. наших чиновников не пугает ни исламская миграция, ни предо-

нее правительство Сербии пришло к власти как патриотическое, то есть эти люди фактически предали своих избирателей. Кроме того, у них нет конкретной программы для Сербии. Во Франции при Франсуа Миттеране и Жаке Шираке тоже не было амбициозной программы развития. Французам обещали, что все проблемы будут решены в рамках Евросоюза. Сегодня руководители Сербии хотят стать членами международной элиты, чиновниками в Брюсселе или Страсбурге, а что будет с Сербией, им безразлично.

Уход Греции станет первым шагом к развалу Европейского союза. Всем ясно, что Евросоюз не работает.

ставление детям права с пяти лет выбирать свой пол, а гомосексуалистам — права иметь детей. Они и дальше намерены заниматься распространением секуляризма и созданием конфликтных ситуаций.

В Европе одним из самых верных союзников России всегда была Сербия. В конце 1990-х годов эта страна даже подавала прошение о принятии ее в состав Российской Федерации.

Я помню.

Сейчас руководство Сербии из всех сил тянет страну в Евросоюз.

Думаю, речь идет о коррумпированной элите.

А не случится ли так, что Сербия оторвется от России? Как заявления властей Сербии соотносятся с общественным мнением?

Я недавно был в Сербии и могу сказать, что, наблюдая события в Греции, сербы все отчетливее понимают: Евросоюз — это миф. Если завтра в этой стране проведут референдум, я не уверен, что ее граждане проголосуют за вступление в Евросоюз. Нынеш-

Мнения старшего поколения и молодежи часто отличаются. Как европейская молодежь, скажем французская, относится к России?

Знаете, у нас выросла очень хорошая молодежь. 20–25-летние юноши и девушки понимают, что живут в очень жестком и сложном мире — они мудрее нас. Если рассматривать отношение к России через призму конфликта России и Украины, то во Франции есть пророссийские группы. Эти молодые люди не верят официальной пропаганде, они сами ищут и находят объективную информацию о вашей стране. И то, что такая молодежь есть во Франции, позволяет мне с оптимизмом смотреть в будущее. Она еще заявит о себе, как сделали это два года назад тысячи людей, вышедших на улицы, протестуя против однополых браков. Никто такого не ожидал, даже католическая церковь. Заметьте, в рядах протестующих было очень много молодежи.

Нынешняя молодежь не поддается оголтелой пропаганде. Друг, который живет в Харькове, рассказывал мне, что там наименее

уязвимым социальным слоем для моральной агрессии также оказались молодые люди. Они научились успешно противостоять украинской и американской пропаганде. Думаю, что для Украины это тоже будет большим сюрпризом.

В последние годы, в частности в рамках Евросоюза, проявилась тенденция к размыванию национальной идентичности. В то же время развернута кампания против Евразийского союза, который представляется как реинкарнация СССР. Как Вы считаете, будет ли интеграция России, Украины, Армении, Казахстана, Белоруссии способствовать сохранению национальной идентичности или же приведет к ее размыванию?

Вы знаете, я думаю, что сегодня Евразийский союз — это прежде всего Таможенный союз, то есть система, которая призвана облегчить совместную экономическую деятельность его членов. И если есть сейчас наследник Советского Союза, то это Евросоюз с его жесткой централизацией. Чечня более свободна в рамках Российской Федерации, чем Франция в Евросоюзе. Никогда Москва не будет навязывать Грозному законы об однополых браках или выборе пола маленькими детьми. 80 процентов законов, которые принимает французский парламент, это законы, принятые Еврокомиссией. В Советском Союзе национальная идентичность не только не размывалась, но, напротив, создавались национальные республики, проводилась политика поддержки национальных культур, бесписьменные народы получили алфавит. Евросоюз, напротив, уничтожает национальную специфику, поэтому я, пожалуй, был неправ, когда назвал его преемником СССР.

Украина в ее современных границах также была создана со-

ветской властью, и там тоже развивалась национальная культура, было обязательным изучение украинского языка, хотя большая часть населения говорила по-русски.

Когда я был в Киеве в 2003 году, по-украински говорили политики перед телекамерами и деревенские старушки на рынке, все остальные говорили по-русски. Сейчас, к сожалению, из-за галицизации Украины ситуация поменялась.

Я последний раз был на Украине в марте 2014 года. Ни разу не слышал украинской речи. Вся эта украинизация, на мой взгляд, носит искусственный характер. Те законы, которые они сегодня принимают, рано или поздно будут отменены. Если украинские власти хотят десоветизации, тогда надо вернуться к *status quo* 1921 года.

У каждой нации изначально есть свой культурный код.

Что касается народов постсоветского пространства, то их объединяют столетия общей истории и, соответственно, какой-то общий код. Евросоюз же включает нации с совершенно разными культурными кодами. Возьмите Данию и Грецию — абсолютно разная ментальность, абсолютно разные экономики. Возникает вопрос: можно ли все-таки создать единый европейский дом или без тоталитарного прессинга Европа опять разделится на национальные кварталы?

Думаю, для Европы идеальной была бы форма объединения, напоминающая Таможенный союз. Я также против постоянного военного альянса — каждая страна вправе иметь союзников, которые могут меняться. Сегодня в Евросоюзе ведущую роль играет немецкая бюрократия — это их структуры, их валюта, они принимают решения. Во Франции совсем другие экономические реалии, гораздо более бла-

гоприятная демографическая ситуация, чем в Германии: у них больше пенсионеров, у нас больше молодежи, которой нужна работа. Стране, где много пенсионеров, выгодна сильная валюта, чтобы дешево покупать то, что производят китайцы или вьетнамцы. А Франции, наоборот, необходима дешевая валюта как одно из условий развития экономики. Я считаю, что нам надо выйти из этих гипергосударственных структур, у нас нет другого выбора.

Мы говорили о возможности перейти к шестому технологическому укладу, минуя пятый, что потребует настоящего блицкрига в образовании. Как Вы думаете, можно ли в рамках Таможенного союза ввести единые стандарты и сделать общий рынок в образовании? Или это все-таки потребует координации сверху на административном уровне?

Формы организации развития науки и образования зависят от менталитета и исторических традиций. В США, например, это Силиконовая долина. Но успешность данного американского проекта не означает, что его нужно слепо копировать — неизвестно, будет ли он работать так же хорошо в иных социокультурных условиях. Мне кажется, что в России, как и во Франции, в разработке образовательных стратегий очень важна роль государства. Большое значение имеет также сотрудничество в сфере науки и образования, такое, например, как между нашими странами в области освоения космоса или самолетостроения.

Вы сказали, что молодежь сейчас сама формирует свое мнение, которое нередко расходится с официальной позицией государства, и то же самое происходит практически во всех странах. Может быть, есть смысл развивать сотрудничество, диалог не на уровне пра-

вительств, а на уровне общественных движений?

Да, это очень важно. Именно так поступают наши оппоненты — стремятся наладить параллельные отношения на уровне гражданского общества. Вам легче противостоять таким деструктивным явлениям, как однополые браки, потому что у вас другой тип демократии. Мои русские друзья сказали мне, что на демонстрацию в защиту хри-

поздно побываю в этой стране. Мой первый визит сюда длился всего три месяца, а потом я приехал надолго и живу здесь уже 15 лет. За эти годы Россия очень изменилась, и с каждым годом жизнь здесь становится все лучше. Мне очень нравится то, что сейчас происходит у вас, и я хотел бы, чтобы нечто подобное произошло во Франции. Я люблю Россию и русских.

В Советском Союзе национальная идентичность не только не размывалась, но, напротив, создавались национальные республики, проводилась политика поддержки национальных культур, бесписьменные народы получили алфавит. Евросоюз, напротив, уничтожает национальную специфику.

стианских ценностей в России может выйти миллион человек. Христианство — это подлинно человеческая ценность, и именно ее защищает Россия. Смешно было наблюдать панику в Евросоюзе, вызванную воздействием российской пропаганды, на противодействие которой Брюссель собирается истратить 100 миллионов евро. Но что они могут? Например, во Франции они контролируют все телеканалы, все крупные газеты и радиостанции. Осталось только отключить Интернет.

Не кажется ли Вам, что важны такие мероприятия, как международные встречи лидеров общественного мнения?

Несомненно. На Западе должны знать, что есть страны, где государство работает во имя нации.

Мы привыкли к тому, что наши ученые уезжают работать на Запад, а Вы решили жить в России. Что Вас на это сподвигло?

Я писал диссертацию о России и уже тогда знал, что рано или

Вы нашли себя в России?

Могу сказать, что здесь я чувствую себя как дома. У меня русская жена, дети. Сейчас Россия переживает важный исторический момент. Ваш президент Владимир Путин, профессиональная работа вашей дипломатии, то, как в России восстановили православную церковь, — все это очень интересно мне как исследователю и аналитику. Французские дипломаты по сравнению с российскими просто любители. У меня такое чувство, как будто я живу во времена Людовика XIV.

На Ваш взгляд, Россия находится на подъеме?

Конечно. Даже демографические проблемы у вас решаются успешнее, чем в Европе. Это свидетельство не только растущего благосостояния россиян, но и того, что люди верят в будущее, верят в Бога и хотят растить своих детей в мире.

Спасибо за интервью!

✎

ПЭС 15054/20.05.2015